

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-20-28>
УДК 947.08(470.6)

Т.Ч. Джабаева

Взаимоотношения российской администрации и высших сословий Северного Кавказа в контексте утверждения царской власти в регионе во второй половине XIX века

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Дагестанский государственный университет»,
г. Махачкала, Российская Федерация*

Аннотация

Анализ внутренней политики государства на Северном Кавказе, определение положительных и отрицательных факторов в интеграции края, а также выявление и последствия общих интересов царской администрации и местных феодалов, является актуальным, так как данные процессы повлияли на социально-экономическое развитие региона, привели к социальным конфликтам и в целом изменили социально-правовой статус населения края, входящего в правовое поле Российской империи во II половине XIX в. Определение социальных предпочтений в проведении аграрной политики царской администрации в какой-то мере поможет избежать подобного рода социальных конфликтов в дальнейшем. Целью статьи является выявление социального статуса, исторической трансформации, процесса усиления и роли высших сословий Северного Кавказа, их взаимоотношений с новой властью на протяжении второй половины XIX в., самоорганизации и правового статуса.

В процессе исследовательской работы над статьей были использованы методы сравнительно-исторического анализа, синтеза и обобщения, а также принцип объективности и историзма, предоставивший возможность проанализировать различные эпизоды и явления с исторической точки зрения.

Практика российских реформ во II половине XIX века носила в себе ряд аспектов, обусловивших поворотный этап в общественно-политической, социально-экономической и других сферах жизни народов Северного Кавказа. Результаты исследования заключаются в том, что в статье определены притязания высших сословий на господство над населением посредством захвата, с помощью новой власти, земельных владений в свою собственность, а также получение материальных благ, находясь на службе. Выводы: высшие сословия являлись проводниками политики российской администрации в крае, что приводило к социальным протестам и ухудшению социального положения зависимых сословий.

Ключевые слова: Северный Кавказ, феодальное сословие, землевладение, землепользование, российская администрация, социальные протесты, захват общественных земель, интеграция в правовое поле, политика.

Для цитирования: Джабаева Т.Ч. Взаимоотношения российской администрации и высших сословий Северного Кавказа в контексте утверждения царской власти в

регионе во второй половине XIX века // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 3. С. 20–28. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-20-28>.

T.Ch. Dzhabaeva

Relations of the Russian administration and the highest estates of the Northern Caucasus in the context of the statement of Tsar power in the region in the second half of the XIX century

Dagestan State University (DSU) Makhachkala, the Russian Federation

Abstract

Analysis of the internal policy of a state in the North Caucasus, identification of positive and negative factors in the integration of the region, as well as the identification and consequences of the common interests of the tsarist administration and local feudal lords, is relevant since these processes influenced the social and economic development of the region, led to social conflicts, and in general, they changed the social and legal status of the population of the region, which was part of the legal field of the Russian Empire in the second half of the 19th century. Determining social preferences in the implementation of the agrarian policy of the tsarist administration will to some extent help to avoid this kind of social conflict in the future. The purpose of the article is to identify the social status, historical transformation, the process of strengthening and the role of the upper classes of the North Caucasus, their relationship with the new government during the second half of the 19th century, self-organization and legal status.

In the process of the research work methods of comparative historical analysis, synthesis and generalization have been used, as well as the principle of objectivity and historicism, which provide the opportunity to analyze various episodes and phenomena from a historical point of view.

The practice of Russian reforms in the second half of the 19th century contained a number of aspects that determined a turning point in the socio-political, socio-economic and other spheres of life of the peoples of the North Caucasus. The results of the research are the following: the claims of the upper classes to dominate the population by seizing, with the help of the new government, land holdings into their own property, as well as receiving material benefits while in service have been defined. Conclusions: the upper classes were the conductors of the policies of the Russian administration in the region, which led to social protests and the deterioration of the social situation of the dependent classes.

Keywords: the North Caucasus, feudal class, land ownership, land use, the Russian administration, social protests, seizure of public lands, integration into the legal field, politics

***For citation:** Dzhabaeva T.Ch. Relations of the Russian administration and the highest estates of the Northern Caucasus in the context of the statement of Tsar power in the region in the second half of the XIX century // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta. 2023. Volume 15, No. 3. P. 20–28. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2023-15-3-20-28>.*

Введение. Во второй половине XIX века в обществах Северного Кавказа в новых политических условиях формировались капиталистические отношения. Крепостные крестьяне освобождались от

зависимости, местные феодалы не хотели терять свою власть, земля становилась объектом купли-продажи, с чем было связано появление крупных земельных собственников с одной стороны, и социаль-

ных протестов с другой. Царизм проводил политику кнута и пряника. Государственно мыслящие представители царской администрации осознавали, что насилем проблему не решить. Необходимо было стратегически верно проводить политику на местах посредством местной элиты.

Именно на высшие сословия царская администрация вынуждена была опираться в своей деятельности. Без участия местной элиты фактически невозможно было проводить свою политику в различных регионах Северного Кавказа. Данное участие несомненно отражалось на социальном статусе высших сословий. Вместе с тем, благодаря военному положению края, из среды горцев постоянно выдвигались люди, обладавшие или военными способностями, или талантом посредничества между местными властями и народом. Из их числа люди предприимчивые не только числились на службе и получали чины и награды, но и требовали закрепление за ними якобы искони принадлежащих им земель размером в десятки тысяч десятин [1, с. 320].

Основная часть. Социально-экономические отношения у населения Северного Кавказа были довольно сложными, что было связано, с одной стороны, с пестрым национальным и социальным составом данных регионов, с другой – с определенной деятельностью представителей кавказской администрации.

Феодальное сословие адыгов – князья (пши) – обладали исключительно широкими правами и различными политическими и экономическими привилегиями, занимая особо почетное положение в обществе. К.Ф. Сталь писал: «Князь считается главой своего народа (чилле), начальником его вооруженных сил... Лицо, покусившееся на жизнь князя, будет непременно истреблено с целым семейством» [2, с. 144]. Он пользовался большим уважением и почетом, полной свободой, большей, чем у дворян и у духовенства. Никто не мог лишить его княжеского дос-

тоинства, которое приобреталось только по праву рождения. Другие феодальные сословия – султаны-хануко и дворяне (уорки) были вассалами князей. Единственной обязанностью князя являлась защита тех сел, которые ему подчинялись.

Власть князей распространялась на все категории крестьян – как на крепостных, так и на лично свободных – тфокотлей. К работе они старались привлекать всех. Они могли также брать у тфокотлей подвластных аулов скот, оружие и все, что понравится.

Источником обогащения князей были также штрафы за проступки, взыскивание пошлин с купцов, которые хотели торговать в их владениях.

Более того, имея такую власть, князья пользовались поддержкой царской военной администрации, которая в свою очередь, стремилась через князей распространить свое влияние в регионе. К примеру, князья, а также дворяне старались еще более подчинить тфокотлей и превратить их в лично зависимых. Зачастую князья и дворяне запрашивали военную помощь в этом вопросе [3, с. 156].

Открытая поддержка России феодальной адыгейской знати противопоставила против себя основные народные массы, которые стали искать поддержку у турецких правительственных агентов.

Таким образом, в Адыгее следует отметить открытую поддержку привилегированного сословия со стороны российской администрации, что способствовало их поступлению на русскую службу и участию в военных операциях на стороне русских войск. Протурецки настроенное население, недовольное российской политикой, в частности шапсугские и натухайские тфокотли, массово переселялось в Турцию. Жители только трех уездов – Екатеринодарский, Майкопский и Баталпашинский – решили не покидать свою родину. В результате земельной реформы в Кубанской области было освобождено 16367 человек [4, с. 105].

Что касается социального положения высшего сословия Кабарды, то отметим, что, ввиду кочевого образа жизни, оно базировалось не на частной, а на семейной собственности на землю. Частной собственности у кабардинцев не было. Население, поселившееся в пределах этой семейной собственности, выполняло установленные повинности. С XIX века местные князья и уздени стремились усилить свою власть над населением.

Документ от 20 августа 1863 г. отвечал исторической действительности. Князья и уздени подписали его не по соображениям добродетели и исторической справедливости. Происхождение этого документа следующее. После образования «Комиссии по личным и земельным правам» под председательством Л.М. Кодзокова в 1853 г. были избраны представители всех сословий кабардинского народа для выяснения прав владения землей. Высшие сословия, князья и уздени, вместе с депутатами от простого народа через своих представителей на съезде в Нальчике 20 августа 1863 г. формально заявили: «Земля кабардинского народа составляет общее наше достояние и мы желаем ею пользоваться на общинном праве владения и в тех взаимных отношениях, при каких издревле жили мы, кабардинцы, по нашим народным обычаям... и просим о таком желании довести до сведения нашего начальства, дабы оно имело просьбу нашу в уважении по устройству поземельных наших прав» [5, с. 35]. Документ был подписан 16-ю князьями и узденями и 5-ю вольноотпущенниками. На съезде присутствовал Л.М. Кодзоков, который принимал участие в составлении этого акта, воздействовал на волю князей и почти насильственно заставил их отказаться от «исторических прав собственности на родовые их земли».

Понятно, что никаких исторических прав на землю у высших сословий Кабарды не было, а потому и отказываться от них им и не нужно было. Права собствен-

ности на некоторые участки они приобрели значительно позже. Российская власть, не считавшаяся с местными особенностями земельно-правовых норм, дарила народные земли князьям за всякую услугу, а также допускала самые широкие земельные захваты отдельными лицами, и тем самым постепенно заложила фундамент поземельной собственности. Такими действиями российская администрация пыталась через привилегированное сословие ускорить покорение региона.

Первоначально выданные кабардинским князьям и даже узденям, на скорую руку и при неопределенных условиях так называемые документы – ордера, билеты и охранные листы – давали право пастьбы баранты и табунов в известных местах. Но впоследствии, при окончательном урегулировании земельного вопроса на Северном Кавказе данные «документы» представлялись их владельцами как санкционированное право на поземельную собственность в вышеперечисленных местах.

Несомненно, в архивах периода появления русских властей на Кавказе, относящегося к Кабарде, можно обнаружить немало подобных билетов и ордеров. Но даже один документ может охарактеризовать методы, к которым прибегали кабардинские князья, уздени и горские «тауби», чтобы доказать свое право собственности на землю.

В докладе начальника Кабардинского округа от 22 августа 1868 г. представлен «подлинный» документ Чегемского таубия Иналука Балкарокова, якобы подтверждающий его право собственности на уч. «Бурлу-Кол». После ознакомления с этим документом комиссия выявила, что он написан на бумаге фабрики, которая не существовала в момент написания этого документа. Однако впоследствии неутомимый Иналук Балкароков доставил еще документ, очевидно, на бумаге старого образца, но этот документ комиссия нашла тоже подложным. Тем не менее, в

дело вмешался начальник Округа, подав ходатайство высшим властям о закреплении за Балкароковым данного участка, убедив комиссию в справедливости притязаний истца [5, с. 36]. Такие примеры встречались довольно часто. Еще в первой половине XIX века Ермолов выдал князю Бековичу-Черкасскому документ, по которому последнему отдавалось в собственность более 98 тыс. десятин малокабардинской общественной земли с правом «переселения туда 70 дворов узденей, черного народа и 15 семей из бывших узденей Бековичей-Черкасских, бежавших в смутное время в Б. Кабарду и ныне желающих возвратиться обратно». Комитет министров грамотой в 1825 г. закрепляет эти земли за Бековичем-Черкасским «в потомственное владение со всеми находящимися на ней (земле) деревнями, аулами, дворами и лесами, ничего не выключая из всего того, что к той земле принадлежит» [6, с. 72].

Комитет министров одним росчерком пера, не вникая в сущность «азиатских прав и обычаев», утверждает за Бековичем-Черкасским поместное право русских губерний. Так легко малозначающий документ подтверждал неограниченное феодалное право. Впоследствии, однако, царской администрации пришлось выкупить в казну данные земли. Часть для наделения землею казачьих станиц, часть для обеспечения земельным наделом проживающих на данной земле туземных аульчан [1, с. 321].

Эти случаи административных ошибок иллюстрировали неудобство принимать окончательные решения по отдельным просьбам, о признании поземельных прав частных лиц. Но в то же время нельзя было упускать из виду, что существующая неопределенность прав землевладения держала в застое народное хозяйство, убивала в самом зародыше попытки к промышленному развитию края и вообще наносила вред благосостоянию населения.

Своеобразные формы крепостной зависимости, появившиеся в Кабарде под влиянием русских, высшие сословия домогались толковать как искони установившиеся права. Все доказательства сословий права собственности основывались исключительно на свидетельских показаниях и на документах последних лет.

Итак, земельные владения всей Кабарды – Большой и Малой, находящиеся в неразделенном общинном пользовании фамильных групп, с появлением русской администрации присваиваются представителями господствующих сословий. Эти захваты закреплялись русской администрацией путем выдачи ордеров, билетов, охранных листов и т.п. Немало было и таких случаев, когда самовольные захваты подкреплялись ложными свидетельскими показаниями или фальшивыми документами.

Население видело, что общественные земли захватываются господствующими сословиями, и, конечно, выражало протесты. Но князья и уздени, служа в русской армии в чинах штаб-офицеров и генералов сначала в качестве старших князей, а позже в качестве главных и второстепенных чиновников, держали в своих руках все нити для предотвращения подобных протестов.

Кроме того, кабардинские земли отбирались русскими властями под подселение казачьих станиц. Сословно-земельный вопрос был предельно запутан и требовал тщательного разбора. Деятельность «Комитетов по разбору личных и поземельных прав туземцев», а также вышеупомянутой «Комиссии по личным и земельным правам» под руководством бывшего начальника Терской области Лорис-Меликова и под председательством Кодзокова, не приносили должного результата, как этого хотелось высшей кавказской администрации. В 1869 г. Терская комиссия была преобразована в Терско-Кубанскую, и полномочия ее ограничивались только рассмотрением сословных

прав туземцев. Земельным вопрос был передан в межевую часть Областного управления.

Последняя Комиссия под председательством Л.М. Кодзокова собрала богатый материал по сословному и земельному вопросам. Вопреки, может быть, своему желанию, Комиссия пришла к правильным выводам в отношении поземельных прав в Кабарде. Лорис-Меликов, будучи недовольным высшими сословиями Кабарды за их постоянные «интриги с Турцией и Крымом», присоединился к выводам Комиссии. Он не разделял точки зрения высшей кавказской администрации, которая поддерживала домогательства князей на землю.

В 1866 г. кавказская администрация прислала проект наделения землею высших сословий в Кабарде. Проект был передан в Комиссию на рассмотрение. В своих возражениях о поземельных отношениях Кабарды, Комиссия исходила из положения, выявленного в вышеупомянутом документе от 20 августа 1863 г. – «земля принадлежит всему кабардинскому народу на общем праве», поэтому наделение высших сословий земельною собственностью было бы «исторической несправедливостью и противоречило бы местным обычаям».

Неизвестно по каким соображениям комиссия нашла, однако, возможным выделить в Большой Кабарде 10–15 тыс. дес. для наделения в собственность за «особые услуги русскому правительству». В заключительной части возражений говорится: «Следует ли интересами масс жертвовать в пользу отдельных личностей, и выгодно ли правительству, ради благосостояния этих последних, восстанавливать против себя целые народные общества, и какая польза обделять их землю и ленивому, малоспособному высшему сословию давать возможность эксплуатировать трудящийся класс народа» [5, с. 45]. Лорис-Меликов вполне соглашался с мнением комиссии и защищал эту точку зрения

перед высшей кавказской администрацией.

Высшая администрация, всегда поддерживающая притязания высшего сословия, не могла одновременно отказать им. Поэтому мнение комиссии было реализовано частично. Все домогательства князей на специальные пастбищные участки из горных пастбищ были отклонены, а притязания в плоскостной части были урезаны.

В 1868 г. межевая часть областного правления приступило к окончательному разрешению земельного вопроса в Кабарде. Материалы комиссии были приняты ею за основание. Параллельно была образована Сословно-поземельная комиссия. Прежде всего ею было выяснено, кто из высших сословий имел право на землю по своему положению, далее были намечены территориальные границы Кабарды с соседними племенами – Карачаем, Осетией, Ингушетией и Балкарией.

После размежевания Кабарды в 1871–1885 гг. князьям было выделено большое количество земель в собственность, началась продажа этих земель переселенцам.

В итоге в Большой и Малой Кабарде было образовано 262 собственнических участка. Ниже 100 десятин надела в собственности не было [5, с. 55]. Таким образом, во второй половине XIX века под сильным давлением кавказской администрации часть горных пастбищ была изъята под поселение, другая часть была отведена в собственность.

На протяжении долгих веков кабардинский народ оберегал район летних пастбищ от всяких попыток заселения их со стороны кого бы то ни было. Оставление этих районов исключительно под выпас скота произошло не по причине многоземелья, а диктовалось всем укладом кабардинского хозяйства в прошлом. Жизненно важным для скотовода-кабардинца было наличие специальных земель для зимовников и летних выпасов.

Кабардинский народ неоднократно ходатайствовал царской администрации о

возвращении хотя бы части отобранных земель, но местная власть ограничивалась обещаниями, которые неоднократно нарушались в угоду того или иного лица.

В период возникновения и разрешения спора о летних пастбищах, высшие сословия Кабарды и Балкарии предъявляли свои права на некоторые горные районы. Все документы, предъявленные высшими сословиями Кабарды и Балкарии на некоторые урочища в горных пастбищах, сфабрикованы и противоречили всему укладу кабардинского и балкарского хозяйства. Все притязания высших сословий на горные районы были отвергнуты и кавказской администрацией, которая нашла необходимым удовлетворить только требования балкарских обществ о наделении части безземельных горцев землями под поселения из пастбищных земель.

Аналогичную политику в пореформенный период русское командование проводило в Дагестане и Чечне. На начальных этапах оно также опиралось на местную знать – это прежде всего владельцы равнинной и предгорной зон Дагестана и Чечни. Еще в 1818 г., когда генерал Ермолов пришел с войсками в Шамхальство Тарковское для заложения в нем крепости, покорность только выразил владелец Мехти-Шамхал. Скопища других владельцев, воспрепятствовавших движению отряда, были разбиты, сами владельцы изгнаны в горы, лишены права на свои владения. Владения же их перешли в пользу покорного русской власти Мехти-Шамхала. Остальные же владения ханства представляли из себя приставство первоначально во главе с шамхальским чиновником [7, с. 93].

Впоследствии, через лояльных дагестанских владельцев, представители царской администрации распространяли свою власть на местное население. За эти услуги местные князья, ханы и шамхалы получали документы, подтверждающие их право владения землей и подчиненным населением.

Примером может служить документ, подтверждающий данный процесс: «Билет дан сей Андреевскому князю Казию Темирову в том, что ежели овчарной его табун будет пастись на урочище долмы и бугра Чекат-Эгист близ моря, позволяется допустить иметь там хутор и кочующим с тем табунном овчарам не делать никакого препятствия... Конечно, до тех пор, пока он останется верен русской власти и прочее...» [8, с. 105]. Этот билет впоследствии был обменен на другой, по которому Темирову дозволялось селить «слободу», а позже за ним были закреплены эти земли в частную собственность, как «искони ему принадлежавшие».

Но по мере усиления своей власти царское правительство все реже обращалось к местным феодалам, что, конечно, не устраивало последних. Одно из ярких событий в пореформенной истории Северного Кавказа – это восстание в Чечне и Дагестане в 1877–1878 гг. Главной причиной восстания было недовольство местной элиты действиями царской администрации. Феодалы, мусульманское духовенство, теряя свое влияние, выступили против царизма. Этим они попытались вернуть свои былые функции, власть и социальный статус.

После начала распространения своей власти царизм опирался на местную элиту, представители которой, кроме того, что получали вознаграждение за службу, принимались в местные отряды милиции. В период восстания российская администрация столкнулась с предательством феодальной верхушки, которая, имея чины и оклады в местной милиции, перешла на сторону мятежников [9, с. 129].

Та часть горской знати, которая сохраняла свою верность России, безжалостно разорялась и уничтожалась. Она вынуждена была искать спасение под защитой русского оружия.

Здесь мы должны отметить недалеко видность местной элиты. Большая ответственность за произошедшие трагические

события лежит именно на ней. Высшие сословия обязаны были предвидеть и предотвратить подобное восстание.

Заключение. Таким образом, преследуя известные цели, российская администрация выражала открытую поддержку, прежде всего в аграрном вопросе, привилегированному сословию Северного Кавказа. Это способствовало открытым захватам земельных владений, документальному оформлению общественных участков в частную собственность, а также поступлению местной элиты на русскую службу.

После размежевания Кабарды в 1871–1885 гг. князьям было выделено большое количество земель в собственность, началась продажа этих земель переселенцам. Вместе с тем, под сильным давлением кавказской администрации, удовлетворяя требования балкарских обществ о наделении землей части безземельных горцев, часть горных пастбищ была изъята под поселение.

Во второй половине XIX века, после окончания Кавказской войны, Дагестан и Чечня уже ощущали то положительное влияние России, которое проникало во все общества. Местная элита не была подвергнута преследованиям, не ущемлялась,

а, наоборот, была подспорьем в политике, ее интегрировали в правовое поле Российской империи. Однако она не помешала подготовке восстания и позволила произойти этой трагедии.

Это восстание дорого обошлось горцам. В ходе него погибло множество людей, были разрушены селения, действовали военно-полевые суды. Царская администрация выслала из Дагестана и Чечни во внутренние губернии России более 3 тыс. человек. Одновременно были награждены те горцы, которые сохранили верность Российской империи. Среди награжденных были также кабардинцы, осетины, представляющие различные общества и фамилии.

В сфере гражданских прав русская власть на Северном Кавказе избегала резкой ломки, считаясь с правовыми навыками населения и наделяя местную элиту определенными правами. Нельзя не отметить, что наряду с поддержкой местной элиты, выплатой им жалованья, происходило освобождение зависимых сословий. Общая численность освобожденных крестьян на Северном Кавказе в 1858–1869 гг. составляет свыше 67 649 чел., а вместе с райятами в 1913 г. – свыше 127 тыс. чел. [10, с. 90].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гаврилов П.А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. – Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника Кавказского; 1869. – 401 с.
2. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т. 21. – Тифлис: 1900. – 163 с.
3. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. – Краснодар: Кн. изд-во: 1989. – 318 с. // Этнографическое обозрение. 1992. № 2. – С. 104-113.
4. Население и землепользование Кабарды // Труды по естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды / под ред. проф. А. Н. Минина. Т. 2. – Воронеж, 1928. – 191 с.
5. Антология памятников права народов Кавказа. Памятники права черкесов (адыгов). Т. 5. / Ажахов К.М. [и др.]. – Ростов на/Д: Альтаир; 2013. – 812 с.
6. Мехтулинские ханы // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 2. – Тифлис: Тип. Гл. упр. наместника Кавказского; 1869. – 401 с.
7. Тульчинский Н.П. Пять горских обществ Кабарды: (этнографически-экономический очерк). – М.: Ленанд, 2018. – 194 с.

8. Гасанов М.М. Дагестан в составе России (вторая половина XIX века). – Махачкала: Юпитер; 1999. – 357 с.

9. Кузьминов П.А. Реформа сословно-поземельных отношений у народов Северного Кавказа в XIX веке: от «горского общества» к обществу крестьянскому // Кавказология. 2018. № 1. – С. 80–113.

REFERENCES:

1. Gavrilov P.A. The structure of the land life of the mountain tribes of the North Caucasus // Collection of information about the Caucasian highlanders. Vol. 2. Tiflis: Chief ex. Governor's of the Caucasus publishing house; 1869. 401 p.

2. Steel K.F. Ethnographic sketch of the Circassian people // Caucasian collection. V. 21. Tiflis: 1900. 163 p.

3. Pokrovsky M.V. From the history of the Circassians at the end of the 18th – first half of the 19th century: Socio-economic essays. Krasnodar: Book publishing house; 1989. 318 p. // Ethnographic review. 1992. No. 2. P. 104–113.

4. Population and land use of Kabarda // Proceedings on the natural-historical and economic survey of Kabarda / ed. by prof. A. N. Minin. Voronezh, 1928. 2:191.

5. Anthology of monuments of the law of the peoples of the Caucasus. Monuments of Circassian (Adyghe) law. V. 5. / Azhakhov K.M. [et al.]. Rostov on/D: Altair; 2013. 812 p.

6. Mehtulin Khans // Collection of information about the Caucasian highlanders. Vol. 2. Tiflis: Chief ex. Governor's of the Caucasus publishing house; 1869. 401 p.

7. Tulchinsky N.P. Five mountain societies of Kabarda: (ethnographic and economic essay). M.: Lenand, 2018. 194 p.

8. Gasanov M.M. Dagestan as part of Russia (second half of the 19th century). Makhachkala: Jupiter; 1999. 357 p.

9. Kuzminov P.A. Reform of class-land relations among the peoples of the North Caucasus in the 19th century: from “mountain society” to peasant society // Caucasology. 2018. 1: 80-113.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflict of interest

Информация об авторе

Тахмина Чарагановна Джабаева, кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории России исторического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала, Российская Федерация

e-mail: tahmina.dj@mail.ru

тел.: +7(928)5511661

Поступила в редакцию 18.07.2023

Поступила после доработки 26.08.2023

Принята к публикации 27.08.2023

Received 18.07.2023

Revised 26.08.2023

Accepted 27.08.2023

Information about the author

Tahmina Ch. Dzhabaeva, PhD (Hist.), Associate Professor, Department of History, Faculty of History, Dagestan State University (DSU) Makhachkala, Russian Federation

e-mail: tahmina.dj@mail.ru

тел.: +7(928)5511661